

11. Ковалёва Н. Н., к. ист. наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных наук БрГТУ
(г. Брест, Республика Беларусь)

УДК 101.9 (091) (476)

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ
РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ
НА БРЕСТЧИНЕ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА**

Аннотация. В статье анализируются инструменты проведения культурной политики, избираемые и используемые государством в конкретном регионе (на Брестчине) с учетом его особенностей, связанных с особой структурой национального состава, столкновением интересов различных политических сил, в разные периоды истории и оказавшие влияние на характер динамики культур в регионе.

Ключевые слова: культурная политика, национальный состав, конфессиональный состав, динамика культур, диалог культур, межкультурные коммуникации.

N. N. Kovaleva, Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Associate Professor of the
Department of Humanities of
Brest State Technical University
(Brest, Republic of Belarus)

**POLITICAL AND ADMINISTRATIVE INSTRUMENTS FOR REGULATING
INTERCULTURAL COMMUNICATIONS IN THE BREST REGION:
A HISTORICAL RETROSPECTIVE**

Annotation. The article analyzes the instruments of cultural policy, chosen and used by the state in a particular region (in the Brest region), taking into account its features associated with the special structure of the national composition, the clash of interests of various political forces, in different periods of history and influenced the nature of the dynamics of cultures in the region.

Key words: cultural policy, national composition, confessional composition, culture dynamics, dialogue of cultures, intercultural communications.

Характер межкультурных коммуникаций в полиэтническом приграничном регионе всегда сложен и подвержен изменениям в силу действия объективных, а чаще субъективных факторов.

В данной статье речь пойдёт о роли субъективных факторов, являющихся проявлением правительственной политики и инструментах её реализации, а также результатах влияния этих факторов на культурную самоидентификацию участников процесса межкультурной коммуникации.

«Культурная идентификация» отражает, прежде всего, процесс отождествления индивида или группы индивидов с определенной, уже сложившейся и закрепившейся в социоисторической памяти системой культурных ценностей, что, в свою очередь, даёт возможность для данного индивида или группы почувствовать сопричастность к этим ценностям [1, с. 30].

Этнонациональная идентичность населения Брестчины представляется невыраженной и размытой. И это результат не только этнокультурного взаимодействия нескольких этносов (белорусов, украинцев, евреев, поляков) в течение сотен лет. Следует учесть, что западно-белорусский регион в целом, и в частности, Брестчина, на протяжении XX века пережили несколько серьёзных геополитических трансформаций, в ходе которых изменялась её государственная принадлежность и статус, а, следовательно, и характер правительственной политики.

Правительственная политика России на Брестчине в начале XX в. проводилась в контексте общих «принципов политики на инкорпорированных территориях» [2, с.31], но после восстания 1863 г. изменилась в сторону ужесточения с целью «унифицировать все части империи в административном, культурном, правовом и социальном смыслах [2, с.39].

Не ставя задачу анализа всех аспектов правительственной политики, мы сосредоточим внимание на её культурной составляющей, главными инструментами реализации которой выступали школа, церковь, книгоиздание, кадровая политика.

Являвшаяся главной задачей культурной политики России русификация проявлялась не только в насаждении русского языка, но и в одновременном ограничении применения «всех языков, распространённых на западных окраинах империи в администрации, образовании, печати, публичной сфере» [3, с. 82]. Ограничительные меры затрагивали, прежде всего, доминировавшие ранее в регионе польский язык и культуру, внедрявшиеся через римско-католический костёл и систему образования. Однако в конце XIX в. вместо мер административного воздействия, различных ограничений и запретов для борьбы с полонизацией стал использоваться метод апелляции к этнической самоидентификации местного населения. Эта новая позиция формировалась с опорой на своеобразно интерпретированные данные Первой Всеобщей переписи 1897г., в процессе проведения которой национальная принадлежность определялась по родному языку, а белорусский и украинский языки трактовались как белорусское и малороссийское наречие русского языка, что исключало признание за белорусами и украинцами

особого этнического статуса и давало основание для отрыва их, как русскоговорящих, от носителей польской культуры. Если в западно-белорусском регионе, по данным переписи, преобладали носители «белорусского наречия», то во входящем в его состав так называемом Западном Полесье (Брестский, Кобринский и Пружанский уезды) – носители «малороссийского наречия». По нашим подсчетам, в двух из указанных выше уездов, Брестском и Кобринском, малороссы составляли, соответственно, 64,3% и 79,5% из общего числа населения, 86,5% из числа русскоязычных в Брестском уезде и 95,2% – в Кобринском уезде. Небольшую группу населения составляли малороссы в Пружанском уезде: 6,67% от всего населения и 7,8% от – русскоязычных. Языковая ситуация на Брестчине характеризовалась также наличием 20,78% еврейского населения в Брестском уезде, говорящем на идише [4, с.11, 13, 17].

Данные переписи дали основание властям для использования «белорусскости» в борьбе с полонизацией. В целях «русификации» костёла Виленский генерал-губернатор П.Д. Святополк-Мирский (1902-1904) в отчёте, поданном Николаю II предложил введение в белорусских католических приходах дополнительного богослужения на их родном языке и ограниченного использования белорусского языка для преподавания Закона Божьего [5, с. 193]. Заметим, что вопрос о возможности использования малороссийского наречия в сфере образования не поднимался. Как определённый результат борьбы с полонизацией с использованием «белорусскости» можно трактовать тот факт, что проведённая в 1911 г. однопенная перепись начальных школ зафиксировала изменение удельного веса белорусского и украинского языков в Западном Полесье: только 21,3 % учащихся назвали родным языком украинский, а 56,0 % – белорусский [6, с. 182-183].

В целом система образования в Российской империи содействовала утверждению доминирующего положения русской культуры. В Гродненской губернии национальное образование было представлено только традиционными еврейскими учебными заведениями (хедеры, талмуд-торы и иешивы) и различными формами польского негосударственного образования (частными и тайными школами).

Основным языком грамотности в регионе стал русский язык. Его указали 94 % всех грамотных белорусов, 95,4 % украинцев, 65 % поляков [6, с. 153]. Этому же содействовала и политика государства в области книгоиздания. В 1910-е гг. книги в России выпускались более чем на 20 языках, хотя заметными успехи в области книгоиздания были лишь на польском, языках Прибалтики, идише, татарском, армянском, украинском, грузинском. Например, в 1913 г. на идише было выпущено 574 издания (тираж 1 541 015), а на белорусском – только – 12 изданий (тираж 33 000) [7, с. 366 –367]. Вместе с тем, «Эмский указ» 1876 г. налагал запрет на ввоз в Россию любых книг, издаваемых за границей на «малорусском наречии», особенно учебников и молитвенников.

В результате культурной политики, реализуемой Россией, на Брестчине сформировалась культурная граница между образованной частью населения, использовавшей в сфере делового общения и зачастую в обиходе русский язык, подвергшейся так называемой аккультурации, и подавляющим большинством неграмотного населения, говорящем на местных диалектах. Вместе с тем, неграмотность подавляющего большинства местного населения формировала особую

среду функционирования и сохранения народной культуры с характерными местными языковыми диалектами и традициями. Политика властей косвенным образом способствовала появлению новых акторов межкультурных коммуникаций (белорусов и украинцев), чье этническое самосознание ещё не сформировалось и которые использовались главными участниками межкультурного противостояния (русским правительством и польской элитой) для достижения своих целей. В начале XX в. в связи с возникновением нескольких национальных проектов, направленных на создание национальных государств, существовавшая и подогреваемая политикой властей напряженность в отношениях между этническими культурами региона перерастает в конфликт.

Сложная ситуация конца XIX – начала XX в., связанная с Первой мировой войной, миграцией населения, изменением государственных границ, сопровождалась изменением культурной политики в регионе и характера межкультурных коммуникаций. Немецкие оккупационные власти руководствовались не столько желанием оказания поддержки этническим культурам, сколько желанием добиться лояльного отношения от местного населения и стремлением оторвать его от культурного воздействия России, в то же время ослабив польское влияние на регион. В результате принятого руководством Обер-Ост курса на формирование школ по конфессионально-национальному принципу в генеральном округе Белосток-Гродно с конца 1916 г. стали организовываться белорусские начальные школы, а на Брестчине – украинские. Впервые со времён Великого Княжества Литовского белорусский язык был признан как один из официальных и равноправных языков края, что имело не только культурное, но и политическое значение» [8, с. 77, 85]. Однако это не привело к снятию напряженности в отношениях между этническими культурами региона. Пользуясь поддержкой костёла и получая некоторые финансовые средства из этнической Польши, польские учебные заведения, как легальные, так и нелегальные, продолжали доминировать в регионе. А белорусско-украинские отношения были омрачены непродуманным решением территориального вопроса (передача территории к югу от Брест-Литовска до Гомеля Украинской Народной Республике).

Войдя в 1921 г. в состав Второй Речи Посполитой, Брестчина оказалась в сфере действия активной полонизаторской политики, главными инструментами проведения которой были польско-язычная школа и католический костёл, а фактором, облегчающим достижение поставленной цели – слабо выраженная самоидентификация населения региона, значительная часть которого не относилась ни к белорусам, ни к украинцам, а именовалась «тутэйшыя». В Западном Полесье процесс полонизации не зашел так далеко, как в других регионах, благодаря преобладанию лиц православного вероисповедания. Белорусский исследователь В.В. Шейбак считает, что полонизация на Брестчине оказалась куда менее эффективной, чем на Гродненщине. «На Брестчине конфессиональный фактор не мог быть широко использован для полонизации, так как в Полесском воеводстве, судя по результатам переписи 1931 г., в конфессиональной структуре населения православные составляли подавляющее большинство – 77,4%, католики – 11 %, иудеи – 10%» [9, с. 27]. Тем не менее, польская культура на Брестчине занимала доминирующие позиции, а белорусская и украинская являлись неравноправными акторами межкультурных коммуникаций.

Культурная политика советской власти, установившейся на Брестчине в 1939 г., реализовывалась в контексте советизации, т. е. в процессе «встраивания» региона в советскую систему. В ней прослеживается явное противоречие между главной целью (внедрение коммунистической идеологии), которая предполагала наднациональный характер политики, и способами её реализации, ориентированными на разделение населения по классовому признаку и использование межнациональных противоречий. Гонения на польскую интеллигенцию, представители которой ранее занимали ответственные должности в аппарате управления, работали в сфере образования, медицины сопровождалось радикальной сменой управленческого аппарата во всех сферах, главным образом за счет так называемых «восточников» (выходцев из восточных областей БССР и других регионов СССР), а также представителей еврейского населения, чей уровень образования был, как правило, выше, чем у белорусов и украинцев.

Тем более, что евреи, впервые выйдя из культурной изоляции, проявили полную лояльность к советской власти, а большинство еврейских школ отказалось от обучения на идише, перейдя на русский язык. Выдвижение евреев на руководящие должности вызвало среди польского населения проявления антисемитизма, которые часто трактовались как антисоветизм.

Советская власть стремилась обеспечить возможности для развития национальной культуры и преимущества в карьерном росте представителям тех этнических групп, которые ранее подвергались дискриминации. В связи с этим была предпринята попытка белорусизации, как средство борьбы с полонизацией без учета особенностей национального состава региона. По данным переписи 1931 г., из 48 385 жителей Бреста польский язык назвали родным 20 595 человек (42,6%), идиш и иврит – 21 315 (44,1%), русский – 2 575 (5,3%), «тутэйшы» – 2 107 (4,4%) и белорусский – всего 1 327 (2,7%) [10, с. 7]. Брестский обком КП(б)Б обязал областной отдел Народного образования обеспечить в белорусских школах переход на белорусский язык преподавания, а в национальных школах (польских, еврейских и украинских) в 5-10-х классах ввести белорусский язык, как предмет [11, с.14]. Исходя из интересов украинско-язычного населения создавались украинские школы. В частности, в Кобринском районе из 54 начальных школ 11 были украинскими [12].

Политика белорусизации на Брестчине оказалась не очень удачной из-за пассивности местного белорусско-язычного населения, недостатка учителей, знающих белорусский язык, недостатка учебников, и, главным образом, позиции «восточников», относящихся к данной проблеме чисто формально, предпочитавших отдавать своих детей в русские школы, общаться и вести делопроизводство на русском языке. В результате, вопреки провозглашенному курсу на белорусизацию, произошло укрепление позиций русской культуры, отождествляемой с советской и дальнейшее размывание этнического самосознания белорусов. Межкультурный диалог в регионе, как и до установления советской власти, разворачивался в условиях запрограммированного неравенства культур.

Таким образом, можно считать, что изменение государственной принадлежности Брестчины в результате геополитических трансформаций XX в. вело к изменению характера культурной политики, а также способов и форм её реализа-

ции. В настоящее время, благодаря политике, направленной на утверждение этнической толерантности и сложившимся в регионе традициям межэтнического общения, подавляющее большинство жителей региона вообще не делает акцент на национальной принадлежности и вероисповедании. Для региона, испытавшего несколько принудительных аккультураций (полонизация, русификация, советизация) естественным явлением становится билингвизм и даже многоязычие. У многих жителей Брестчины отсутствует самоидентификации с каким-то одним определённым этносом. Зато, выросшие в общей культурной среде, они ощущают принадлежность к определённой локальной идентичности [13]. Существующий у жителей Брестчины общий культурный код облегчает коммуникацию между ними, убирая барьеры, в том числе и в виде государственных границ, упрощая контакты с гражданами Польши и Украины.

Список использованной литературы:

1. Рогозина О.Л. Роль традиций в формировании национально-культурной идентичности в современном мире // Этнічна, моўная і культурная разнастайнасць у сучасным грамадстве: зборнік навуковых прац удзельнікаў Міжнар. навук. – практ. канф., 29–30 мая 2014 г., г. Магілёў / Маг. дзярж. ун-т харч.; уклад. І. А. Пушкін; рэдкал.: Ю. М. Бубнаў (адк. рэд.) [і інш.]. – Магілёў: МДУХ, 2014. – 357 с. – С.30 – 33.
2. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII—начало XX в.) / Б.Н. Миронов: В 2 т. – 3-е изд., испр., доп. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003 – Т.1 – 583 с.
3. Миллер, А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования / А.И. Миллер. – М: Новое литературное обозрение, 2006 – 248 с.
4. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Под редакцией Н.А. Тройницкого. Выпуск 7. Наличное население обоого пола по уездам, с указанием числа лиц преобладающих родных языков – 1905: Паровая Типо - Литография Н.Л. Ныгкина. Измайловский полк, 7 рота, дом № 13. – 38 с
5. Бендин, А.Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.) / А. Ю. Бендин. – Минск: БГУ, 2010. – 439 с.: ил.
6. Терешкович, П.В. Этническая история Беларуси XIX – нач. XX в.: в контексте Центрально-Восточной Европы / П. В. Терешкович. – Мн.: БГУ, 2004. – 223 с.
7. Беликов, В.И., Крысин, Л. П. Социоллингвистика: учебник / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. – М.: 2001. – 439 с.
8. Ляхоўскі У. Школьная адукацыя ў Беларусі падчас нямецкай акупацыі 1915—1918 гг. Навуковае выданне. – Беласток: Беларускае гістарычнае таварыства; Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2010. — 340
9. Шейбак В.В. Этническая история западного Полесья (Брестчины) // Этнокультурные процессы Западного Полесья (Брестчины) в прошлом и настоящем / А. Вл. Гурко [и др.]; науч. ред. А. Викт. Гурко; Нац. акад. наук Беларуси, Центр исслед. белорус, культуры, языка и лит., Ин-т этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы. – Минск: Беларуская навука, 2020. – 621 с.: ил. – С. 9–49
10. Брест в 1919 – 1939 гг.: документы и материалы / сост.: А.Г. Карапузова (отв. сост.) [и др.]; редкол. Е.С. Розенблат (гл. ред.) [и др.] – Брест: Альтернатива, 2009. – 308 с., (12) л. Фот.

11. Государственный архив Брестской области (ГАБО). – Фонд 1-п. – Оп 1 б. – Д. 5.

12. ГАБО. – Фонд 1-п. – Оп. 1 б. – Д. 8. – С. 41.

13. Ковалёва Н.Н. Этнические аспекты межкультурной коммуникации в пограничье (на примере западно-белорусского региона) // Христианские ценности и межкультурное взаимодействие : сборник научных статей; редкол. Лисовская Т.В. – Брест: Издательство БрГТУ, 2022. – С. 69–75.

12. Лаўрэнка Л. В., к. гіст. н.,
настаўнік гісторыі і грамадазнаўства
ГУО «Сярэдняя школа в. Скокі»
(Брэсцкі раён, в. Скокі, Рэспубліка Беларусь)

УДК 94 (476) “1921/1939”

ПРАМЫСЛОВАСЦЬ ПАЛЕСКАГА ВАЯВОДСТВА Ў 1921–1939 ГГ.

Анацыя. У артыкуле на аснове вялікай колькасці розных гістарычных крыніц характарызуецца прамысловае развіццё Палескага ваяводства ў 20–30-я гг. ХХ ст. Раскрываецца роля асобна ўзятага ваяводства ў эканамічным жыцці заходнебеларускіх зямель і Польшчы ў цэлым. На падставе багатага фактычнага матэрыялу паказваецца развіццё асноўных галін прамысловасці Палескага ваяводства, асаблівасці іх дзейнасці.

У артыкуле зроблена выснова аб тым, што ўся прамысловасць ваяводства размяшчалася ў асноўным у чатырох паветах (Пінскі, Брэсцкі, Лунінецкі і Косаўскі). У астатніх – буйная і сярэдняя прамысловасць амаль поўнасцю адсутнічала.

Ключавыя словы: Заходняя Беларусь, Палескае ваяводства, эканоміка, прамысловасць, прамысловае развіццё, галіна прамысловасці.

L.V. LAVREENKO, Candidate of Historical Sciences,
Teacher of History and Social Studies
of the GUO "V. Skachki Secondary School"
(Brest district, Skoki village, Republic of Belarus)